

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. П. ШАНЧЕНКО

Екатерина Павловна Шанченко,
аспирант ИМЭМО РАН, мл. науч. сотр.
Центра евро-атлантической безопасности
Института международных исследований
МГИМО МИД России.
E-mail: katushanch@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ, НАВЕЯННЫЕ КНИГОЙ М. КАЛДОР)

«...Война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни...Скорее, чем с каким-либо из искусств, ее можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельности...».

К. фон Клаузевиц «О войне»

Аннотация. В статье излагаются некоторые соображения, отчасти полемические, навеянные книгой Мэри Калдор «Новые и старые войны», с каковой целью проводится краткий сравнительный анализ ряда конфликтов минувших столетий и конфликтов нового поколения. Концепт «войны» был актуален во все времена, однако со временем его понимание претерпевало разного рода изменения. Наиболее серьезные из их числа имели место в начале и середине XX века. Политическая ситуация на мировой арене показывает, что современные конфликты, существующие во времена глобализации всех сфер жизнедеятельности, отличаются от конфликтов прошлых столетий, которые велись, как правило, по принятым в те времена, и ныне рассматриваемым как классические, законам военных действий.

Существенную роль в возникновении современных конфликтов играет конфликт идентичностей, не бывший столь значимым в период доминирования на мировой арене национальных государств, воевавших между собой; он же осложняет возможность урегулирования современных конфликтов. В отличие от войн минувших столетий военные столкновения на современном этапе могут происходить не только между различными государствами, но и внутри государств, в рамках которых различные группы сталкиваются, преследуя достижение своих целей, в том числе и связанные с их идентичностями. Традиционного понятия гражданской войны для описания этого разнообразия явно недостаточно. Урегулирование современных конфликтов осложняется также их глобальным характером и вовлечением в них разнообразных участников. Кроме того, конфликты идентичности часто становятся разменной картой в борьбе этнополитических группировок, но также и государств. Как следствие – современные конфликты требуют нестандартных решений по их урегулированию и, несмотря на внешнюю локальность наблюдаемых столкновений, – привлечения внимания мирового сообщества.

По мнению автора, для урегулирования современных конфликтов необходимо по возможности унифицировать понимание войны, а также разработать новые варианты урегулирования и разрешения конфликтов, учитывающие, в частности, отнюдь не однозначную динамику глобализационных процессов.

Ключевые слова: Мэри Калдор, глобализация, конфликт, война, государство, урегулирование конфликтов, фактор идентичности, политика идентичности.

В условиях продолжения конфликтов в Сирии, Ираке, Ливии, на Украине, на Южном Кавказе весьма актуальными представляются дебаты о специфике и сущности современных войн и конфликтов в сравнении с конфликтами прежних поколений. В рамках этих дебатов в начале 2000-х гг. увидело свет первое издание книги профессора Лондонской школы экономики Мэри Калдор¹ «Новые и старые войны», впоследствии не раз переиздававшейся. В третье издание книги (2012 г.), которое и было переведено на русский язык [2], автор включила главу, посвященную войнам в Ираке и Афганистане, а также конфликтам на Ближнем Востоке (Сирия). В монографии М. Калдор рассмотрена эволюция войн, проведены сравнения между войнами минувших столетий и современными конфликтами, описаны особенности военных теорий и их практических воплощений. С некоторыми из суждений британской исследовательницы хотелось бы согласиться, а с некоторыми – поспорить.

* * *

Историю военных столкновений М. Калдор прослеживает с XVII века, по ее формулировке, «с возникновения новоевропейских государств» [2, с. 55–57], акцентируя при этом внимание читателя на чертах сходства и различия, свойственных конфликтам старого типа, с одной стороны, и так называемым новым войнам – с другой. В завершение своего исследования Калдор рассматривает возможные пути решения современных конфликтов, а также обращается к перспективе некоего единого глобального проекта, который, по ее мнению, мог помочь современному мировому сообществу достичь стабильности на мировой арене и, по возможности, сократить количество конфликтов. Учитывая современные реалии, представить себе воплощение этой идеи сложно, однако остановиться на данном вопросе имеет смысл, обратившись для этого к историческому рассмотрению концепта² войны с XVII века³.

ПОНИМАНИЕ ВОЙНЫ В XVII-XX ВЕКАХ

Признавая нравственную коллизию, с которой сопряжено убийство одного человека другим, а также другие насильственные действия, могущие сопровождать развитие военных конфликтов, их субъекты изначально стремились каким-то образом оправдать совершение подобных действий. Среди наиболее распространенных оправданий – апелляции к государственным интересам; введение разграничения между легитимным насилием ради достижения некоторых признаваемых благами для общества целей и насилием, творимым преступником, преследующим корыстные интересы; проведение различий между гражданской и военной, публичной и частной сферами (иными словами, между государственной и негосударственной деятельностью) и т. п. Все эти оправдания неоднократно подвергались критике с самых различных позиций.

По мере развития конфликтных ситуаций (например, наполеоновские войны 1804–1815 гг. оказали значительное влияние на взгляды мирового сообщества на военный конфликт), стали развиваться и теории военных действий. В трактате Карла фон Клаузевица «О военном искусстве» (1816 г.) автор рассматривает различие двух типов войн – войны на истощение⁴ и манев-

¹ Мэри Калдор – профессор Лондонской школы экономики и политических наук, директор исследовательской группы по конфликтам и гражданскому обществу Департамента по международному развитию.

² Автор использует понятие «концепт» как нечто само собою разумеющееся; между тем, оно является весьма дискуссионным, о чем см., напр.: *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. Гл. 9.4. Изучение концептов. – М.: Издательский дом ЯСК, 2018. – С. 332–348. – *Прим. ред.*

³ Историческое рассмотрение на более продолжительной временной дистанции содержится, в частности, в работах В. Л. Цымбурского, прежде всего: *Цымбурский В. Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Хронополитические и геополитические работы 1993–2006 гг. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 65–104. – *Прим. ред.*

⁴ Основной чертой теории войны на истощение было выматывание противника за счет навязывания собственных

ренной войны⁵. Важными особенностями военных действий XVIII века являлись стремление сберечь военные кадры, избежать сражений (прямых военных действий) за счет использования осадной тактики.

В XIX веке концепция военных действий претерпела ряд важных изменений. Во-первых, появились новые технологии, изменившие процесс ведения военных действий, — железные дороги, телеграф, новое оружие. Во-вторых, государства стали учитывать важность военных альянсов. В-третьих, негласные законы ведения боевых действий стали все чаще оформляться в нормативные акты⁶.

Несмотря на определенную упорядоченность, внесенную в ведение военных действий XIX веком, XX век существенно изменил отношение к военным конфликтам. Тотальность войн XX века привела к стиранию рамок, установление которых началось в XVIII веке. Мобилизация населения стерла различие между публичным и частным, что привело к преобладанию публичной сферы. Глобальность войн стерла границы между военным и гражданским секторами, а также между комбатантами (официальными представителями воюющих сторон) и нонкомбатантами (мирным населением). Геноцид не был изобретением XX века, он встречался в истории и раньше (в XVIII—XIX веках его масштаб заметно сократился), будучи, однако, практикуемым в колониальных войнах в отношении аборигенных племен. В XX веке действия вооруженных сил, направленные не столько против военнослужащих другого государства, сколько против мирного населения, вновь вошли в обыкновение (доктрина «тотальной войны») и, более того, стали весьма активно практиковаться для подрыва боевого духа и повышения мотивации населения ради достижения победы⁷.

Конфликты второй половины XX века (войны в Корее, Афганистане и Вьетнаме) заставили мировую общественность в очередной раз задуматься о соблюдении правил ведения боевых действий. Одновременно за счет создания глобальных связей между государствами в военной сфере (прохождение обучения военнослужащих за границей, торговля оружием, создание иностранных баз, активное участие в альянсах в невоенное время) еще более размытыми становятся границы между публичным и частным, внутривластным и внешнеполитическим, военным и гражданским, что в итоге вновь привело к размыванию границ между войной и миром. Интересный факт, который можно привести как вывод из вышесказанного, иллюстрирует ситуацию на мировой арене на современном этапе: несмотря на то что, по данным Уппсальской программы сбора данных о конфликтах, концепт войны как будто претерпевает упадок, количество конфликтов не только не снизилось, но, напротив, значительно возросло⁸. Одну из причин данного противоречия, возможно, стоит искать в изменении самого концепта войны.

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ВОЙНЫ

Новые определения концепта войны, распространенные в литературе, включая и те публикации, на которые ссылается М. Калдор, требуют переосмысления.

Современные войны не вписываются ни в одно понимание войны как военного столкновения, так как зачастую прямого вооруженного столкновения враждующих сторон может и не быть. Современные войны представляют собой «новый тип насилия», влекущего за собой «размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами [...]), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей [...] ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц)» [2]. Уместно говорить

условий ведения конфликта, вследствие которых оппонент затрачивает много усилий на оборонную стратегию или, например, увеличение сил.

⁵ Для успешного ведения маневренной войны необходимы мобильность, скорость, использование элемента внезапности, правильное рассредоточение сил.

⁶ Здесь можно обратиться к Парижской декларации 1856 г., Женевской конвенции 1864 г., Петербургской декларации 1868 г., Гаагским конференциям 1899 и 1907 гг., Лондонской конференции 1908 г. Также в XIX веке впервые серьезно встал вопрос об обращении с военнопленными, больными, ранеными и гражданским населением во время боевых действий.

⁷ Так, М. Калдор отмечает существенный рост патриотизма (во многих случаях — откровенного шовинизма) с началом Первой мировой войны, стремление мирового сообщества победить мировое зло во время Второй мировой войны, глобальную борьбу добра со злом во время «холодной войны».

⁸ См. сайт Уппсальской программы: <https://www.ucdp.uu.se/year/2018>

о «конфликтах низкой интенсивности» – определении, введенном американскими военными в период «холодной войны» и распространенном в литературе, посвященной конфликтам. Встречаются также термины «постсовременные» войны (postmodern wars)⁹ [3; 5] и особенно «гибридные войны» [4].

По сравнению с другими определениями современных конфликтов, формулировка М. Калдор носит несколько непоследовательный характер, объединяя разные несопоставимые параметры типологизации войн (гибридные войны и конфликты низкой интенсивности, которые могут проходить на территории одного государства). Но не исключено, что именно такое определение может способствовать урегулированию некоторых современных конфликтов за счет отнесения действий насильственного характера на определенной территории именно в разряд современных «войн», тем самым акцентируя внимание мирового сообщества на необходимости их урегулирования.

ИСТОЧНИКИ «НОВЫХ ВОЙН»

Основными факторами, способствующими возникновению феномена «новых войн», стали революционные изменения военных технологий (не только военной техники, но и информационных технологий, логистики, военной медицины), а также глобализация, охватившая полностью всю военную сферу и изменившая ход конфликта в целом. Так, на театрах военных действий стали встречаться международные репортеры; более распространенным стало использование наемных солдат (соответствующая практика стара как мир, но военные конфликты XX и даже XIX веков велись в основном силами массовых призывных армий) и иностранных военных советников. Кроме того, в урегулировании конфликтов стали участвовать такие международные учреждения, как *Oxfam*, *Human Rights Watch*, Международный красный крест, «Врачи без границ», а также Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Вследствие перевода военных конфликтов на международный уровень в обществе стали также возникать скрытые внутренние конфликты социально-политического характера: местные жители, имевшие ограниченный доступ к Интернету, социальным благам и ведущие другой образ жизни (выживающие за счет гуманитарной помощи, страдающие от осажденного положения, голода, эпидемий), увидели в лице других участников (наблюдателей) иной образ жизни (связанный с применением Интернета, английского языка, оборотом международных денежных средств – долларов, евро), что в итоге также изменило развитие отдельного локального конфликта (как результат – местные жители также стали продумывать собственную стратегию выживания).

Вопрос о государственной монополии на применение организованного насилия возник не только в связи с последствиями глобализации (например, появилась возможность применения транснациональных вооруженных сил, а также сформировались транснациональные связи между вооруженными силами), но и по причине совершенствования международно-правовых норм, ограничивающих организованное насилие и ставящее его под контроль.

Применение военных действий в современной истории также затрагивает вопрос приватизации. Для ведения военных действий государству необходимо качественно изменить внутреннюю политику: увеличить налогообложение, решить вопрос коррупции и неэффективности использования финансовых средств, создать регулярные вооруженные силы и полицию, контролировать частные армии, мобилизовать народную поддержку для привлечения других ресурсов. Данные меры, с одной стороны, как правило, положительно влияют на внутреннюю безопасность государства, но, с другой стороны, легитимизируют возможную агрессивную политику государства: «Новые войны случаются в ситуациях, когда из-за спада экономики, равно как по причине распространения преступности, снижаются государственные доходы, когда в результате роста организованной преступности и появления военизированных формирований все больше приватизируется насилие и когда исчезает политическая легитимность. Так рушатся различия между внешним варварством и внутренними цивилизованными порядками (civility), между комбатантом как легитимным носителем оружия и нонкомбатантом, между солдатом или полицейским и преступником» [2].

⁹ Данное определение подразумевает не только военные конфликты, радикально отличающиеся от конфликтов классических, но и виртуальные войны, а также войны в киберпространстве.

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ВОЙНЫ

Имеет смысл проследить отдельные черты сходства и различия между конфликтами нескольких последних столетий и современными противостояниями.

В отличие от «старых» войн, в основе которых лежал геополитический или идеологический конфликт, существенной чертой современных конфликтов является политика идентичности (*identity politics*), в основе которой лежит притязание на власть на основе национальной, клановой, религиозной или даже языковой идентичности. Однако кажущееся содержательное повторение проектов утверждения идентичностей может быть иллюзорно: технологически политика идентичности активно использует продукты глобализации (использоваться могут не только электронные средства и медиа, что ускоряет политическую мобилизацию, но и различные коммуникативные технологии, применяемые для манипуляции сознанием), что в итоге помогает осуществлять контроль над населением, проводить разграничение «свой — чужой» и добиваться поставленных целей, ярким, но не единственным примером чего был сопровождавшийся масштабным насилием распад бывшей Югославии [2, с. 174–176, 183–184].

Цели «новых» и «старых» войн также могут существенно отличаться. В отличие от «старых» войн, где оппонентом было другое государственное образование, в «новой» войне противником вполне может быть и население, проживающее на территории своего собственного государства¹⁰. История с Косово, опять же, в качестве яркого и близкого примера (географически это Европа) не является единственной в современной истории. На наших глазах развивается конфликт на востоке Украины, отдельные черты которого ярко отражают суть конфликтов нового поколения.

Преследуя достижение собственных целей, участники «новых» войн изменили и инструменты их достижения. В отличие от конфликтов минувших столетий, где принципы ведения военных действий оговаривались сторонами и подписывались¹¹, а случившиеся преступления против мирного населения или уничтожение исторических памятников казались особенно жестокими, в «новых» войнах участники применяют любые инструменты, включая и террористические акты¹².

Вследствие тотальности конфликта, участниками которого становятся не только боевые формирования, как это было в прошлом, участниками «новых» войн становится всё население, территория которого затронута в конфликте. Впрочем, тотальность была чертой уже Второй мировой войны, один из идеологов которой спрашивал свой народ: «*Wollt ihr den totalen Krieg?*», и получал позитивный ответ.

В результате тотального участия населения в конфликтах можно говорить и о новой, «глобализованной», военной экономике, источниками ресурсов для которой могут быть не только внутреннее производство или налоговые поступления, но и всё разнообразие финансовых источников: внешние ресурсы (помощь диаспоры, гуманитарная помощь нейтральных сторон), торговля оружием, продажа сырья, наркотики, грабеж, захват заложников, «черный рынок». Вследствие разнообразия и диверсификации источников прекратить подобные конфликты сложнее: зачастую всё движется по замкнутому кругу — финансовая поддержка может поступать только при наличии военных действий. Более того, в этот круг могут быть включены и лица, внешне не связанные с непосредственными участниками конфликта, но при этом играющие немаловажную роль в финансовой цепочке — беженцы, в число которых могут попадать и члены организованных преступных группировок, представители этнических меньшинств.

* * *

Именно эти особенности «новых» войн являются ключевыми при поиске путей разрешения конфликтов. Вследствие тотального участия населения в конфликте, а также разнообразия и диверсификации финансовых источников навязывание решения «сверху» и осуществление

¹⁰ Конфликт в Косово можно включить в категорию «новых» войн, где на территории отдельного государства со стороны властей осуществлялись насильственные действия против местного населения.

¹¹ Например, во Второй мировой войне государства — участники антигитлеровской коалиции подписывали соглашение об обращении с военнопленными (Советский Союз данное соглашение подписывать отказался).

¹² Автор статьи рассматривает лишь один из сверхдлинных циклов военной истории. В более раннее время, например, в период европейских религиозных войн, бывало всякое, и кодификация принципов военных действий, подвергающаяся ныне эрозии, возникла далеко не сразу. — *Прим. ред.*

контроля подобным образом, как это было при решении конфликтов старого поколения, не представляется актуальным. Более того, внешняя поддержка мирного населения, пребывающего в острой нужде, может лишь усугубить положение: так, гуманитарная помощь, оказанная жителям Сомали со стороны мирового сообщества, зачастую повлекла лишь озлобление, так как вместо поддержки местных производителей продовольствия лишала их последних клиентов, предпочитавших бесплатные пайки¹³.

В качестве выхода М. Калдор предлагает создание альтернативного политического проекта, при котором политике эксклюзивизма противопоставлялись бы недискриминационные ценности и создавался некий альянс между локальными защитниками цивилизованного порядка и транснациональными институтами, которые помогали бы легитимно выбранным властям постепенно осуществлять контроль над насилием и впоследствии исключить его. Продумывались также политические, военные и экономические элементы такого порядка.

Однако именно связанные с урегулированием современных конфликтов противоречия между государствами, теоретически способными инициировать создание подобного глобального проекта, создают непреодолимые преграды для их реализации. В результате современные конфликты чаще используются глобальными игроками в качестве разменной карты для реализации своих целей на международной арене. Получается, что вследствие наличия на мировой политической арене нескольких мощных держав, имеющих противоположные интересы, количество конфликтов не только снижается, но, напротив, продолжает расти.

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О «НОВЫХ» ВОЙНАХ

Несмотря на внешнюю локальность конфликтов нового образца (по большей части сосредоточенных в странах Азии, Африки¹⁴ и Ближнего Востока, но не ограниченных этими регионами), вовлеченность в них мирового сообщества (в частности, сотрудников всякого рода частных охранных фирм — а число таковых сотрудников, например в США, в два раза превышает число полицейских) не стоит недооценивать.

Полемизуя с определением М. Калдор, в соответствии с которым «новые войны» — это «некая смесь войны, криминала и нарушений прав человека» [2], можно указать на то, что черты подобных конфликтов присутствуют не только в развивающихся, но и в развитых странах — в частности, в городах Западной Европы и Северной Америки, особенно учитывая недавние потоки беженцев в развитые страны. В результате, например, за время сирийского конфликта обстановка в государствах Западной Европы, по полицейским оценкам, стала носить ощутимо более криминогенный характер¹⁵. Однако, несмотря на желательность и даже необходимость реализации бегло охарактеризованного выше глобального проекта, к которому призывает М. Калдор, таковая реализация представляется чрезвычайно проблематичной еще и с учетом того, что исполнителями ряда самых громких недавних террористических актов, совершенных в развитых государствах, были местные жители¹⁶, что может свидетельствовать не только об активизации усилий по рекрутированию террористов из их среды, но и об уровне присутствующего в ней скрытого конфликта.

Таким образом, не приходится недооценивать важность снижения количества конфликтов и уровня напряжения внутри различных сегментов мирового сообщества. На сегодняшний мо-

¹³ «В Сомали политика наводнения страны продовольствием в конце 1992 года, с тем чтобы помощь гарантированно доходила до тех, кто действительно в ней нуждается, привела к резкому падению цен, в результате чего фермерам перестало быть экономически выгодно производить продовольствие» [2].

¹⁴ В качестве примера зон конфликтности можно привести Руанду, Бурунди, Заир, Гвинею, Габон, Эфиопию.

¹⁵ Например, «в Нижней Саксонии... в период 2014–2016 гг. число зарегистрированных насильственных преступлений возросло на 10,4 %, что, по оценке криминологов, на 90 % связано с притоком беженцев» (Немецкие криминологи констатировали связь между ростом преступности и притоком мигрантов // ТАСС. — 2018. 3 января. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4856032>). Также можно обратиться к статистике, опубликованной Министерством внутренних дел Баварии, в которой прослеживается значительный рост преступлений, совершенных беженцами с 2013 г. См.: Polizeiliche Kriminalstatistik. Bayern, 2016. — URL: https://www.polizei.bayern.de/content/6/4/9/pks_pressebericht_2016.pdf.

¹⁶ Например, теракт в Лондоне 7 июля 2005 г. был совершен смертниками Мухаммедом Сидик Ханом, Шехзадом Танвиром, Хасибом Хусейном и Джермейном Линдси — все они были уроженцами Великобритании, а трое даже выросли в этой стране. 7 января 2015 г. уроженцы Франции алжирского происхождения братья Саид и Шериф Куаши расстреляли редакцию французского журнала «Charlie Hebdo». Масштабный двойной теракт 22 июля 2011 г. в Осло (75 только погибших) был совершен этническим норвежцем Андерсом Брейвиком. (См.: Крупные теракты в Западной Европе с 2000 г. Хронология. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2783904>).

мент возможность создания актуального глобального проекта по искоренению конфликтов и войн представляется ограниченной, а скорее всего, и вовсе утопической — даже на уровне международных институтов. Возможно лишь временное и неустойчивое урегулирование конфликтов. В таком урегулировании роль коллективных институтов мирового сообщества — глобальных и региональных международных организаций — может и должна быть высокой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов С.* Ближневосточные конфликты и сирийское урегулирование // Ежегодник СИПРИ 2017. Вооружения, разоружение и международная безопасность. — М.: ИМЭМО РАН, 2018. — С. 704–718. — URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI_YEARBOOK_2017_RUS.pdf
2. *Калдор М.* Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. — М.: Издательство института Гайдара, 2016. — 415 с.
3. *Duffield M.* Post-modern conflict: warlords, post-adjustment states and private protection // Civil Wars. — 1998. — Vol. 1. — Issue 1. — P. 65–102.
4. *Hoffman F.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. — Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2011. — 72 p.
5. *Ignatieff M.* The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience. — Holt Paperbacks, 1998. — 228 p.

ЕКАТЕРИНА ШАНЧЕНКО

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF WAR IN THE MODERN WORLD (SOME CONSIDERATIONS INSPIRED BY MARY KALDOR'S BOOK)

Ekaterina P Shanchenko, Postgraduate Student, IMEMO RAN;
Junior Research Fellow, Center for Euro-Atlantic Security,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: katushanch@mail.ru

Summary. The paper presents some considerations, partly polemic, inspired by Mary Kaldor's book *New and Old Wars*. For this end, a brief comparative analysis is suggested of large-scale wars of the past (starting from the 17th and with particular attention to the end of the 19th and the first half of the 20th centuries), on the one hand, and the so called "new wars", on the other. The concept of "war" has been actual permanently, but it underwent changes, the most serious of them took place at the beginning and in the middle of the 20st century. However, the current political situation on the world scene shows that the conflicts of the globalization era differ considerably from those of previous centuries which were mainly conducted according to the generally adopted "rules of war" considered now as classical.

The substantial role in modern violent collisions is played by a conflict of identities which was not so important when wars were conducted mainly between national states. Unlike conflicts of the previous centuries, the military confrontations of today may occur not only between states, but also inside the single country, where different groups of participants are pursuing their own goals in frameworks of identity policy. The traditional notion of civil war is not enough to cover this variety. Due to the global nature of the modern conflicts and involvement of the variety of participants, the conflict resolution seems to be more complicated than ever. Moreover, the identity factor has become an effective tool for different parties of the conflict who tend to use it at their own convenience. Consequently, resolution of modern violent conflicts, wherever they develop, demands contemporary and often non-trivial solutions, as well as close attention of the global community.

The author believes that to resolve modern conflicts effectively, the world society should create a unified and comprehensive definition of the concept of “war” as well as invent new ways of the conflict solution taking into consideration, among other things, the diverse dynamics of globalization processes.

Keywords: Mary Kaldor, conflict, war, state, peacemaking process, conflict resolution, globalization, identity policy, identity factor.

REFERENCES

- Duffield M. Post-Modern Conflict: Warlords, Post-Adjustment States and Private Protection. *Civil Wars*. 1998. Vol. 1. Issue 1. P. 65–102.
- Hoffman F. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf
- Ignatieff M. *The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience*. Holt Paperbacks, 1998. 228 p.
- Ivanov S. Blizhnevostochnye konflikty i siriiskoe uregulirovanie [Middle East Conflicts and Syrian settlement]. *SIPRI Yearbook 2017. Armaments, disarmament and International Security*. Moscow: IMEMO RAN, 2018. P. 704–718. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI_YEARBOOK_2017_RUS.pdf [In Russ.]
- Kaldor M. *Novye i starye voiny: Organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2016. 415 p. [In Russ.]